

САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

Самари К.

(Франция)

По мнению автора, система рабочего самоуправления на предприятиях в сочетании с политической демократией может стать в будущем одним из главных факторов повышения экономической эффективности.

В статье П. Авена [1] сопоставляются реформы в Югославии и Венгрии, предпринятые с целью преодоления последствий неэффективной административно-командной системы. Неудача этих реформ объясняется их "незаконнорожденностью" (в Венгрии) и наличием рабочего самоуправления (в Югославии). Рассматриваются также попытки более или менее систематического использования таких моделей реформ в Польше и СССР и возникшие в результате тупиковые ситуации. Автор считает необходимыми коренные преобразования отношений собственности и исследует альтернативные стратегии перехода к рыночной модели экономики в условиях Польши и СССР.

В настоящей работе хотелось бы прежде всего выяснить то общее, в чем мы сходимся или расходимся с выводами [1], а затем проанализировать выводы, возможно отличные от приведенных в [1].

Мы согласны с автором [1] в том, что опыт реформ в Югославии или Венгрии, несмотря на специфику этих стран, может представить ценность и для СССР. Но следует иметь в виду, что сегодня поставлен вопрос, имеющий историческое значение: реформировать ли прежнюю административно-командную систему или кардинально ее изменить? Первоначальная идея "социалистического рынка" или "рыночного социализма" как цели преобразований трансформировалась в рыночную экономику с приватизацией. Такая подмена цели, конечно, не случайна. За ней стоит полная неудача предпринимавшихся реформ. Что же касается югославского опыта, которому посвящена настоящая статья, то он еще более полезен для СССР, где все варианты реформ ставили проблему места самоуправления и роли республик в федеративной или конфедеративной системе.

У нас нет разногласий с автором [1] по поводу констатации провала реформ. Мы также полагаем, что проблема собственности в ее экономическом, а не только юридическом смысле, имеет существенное значение как для анализа прошлого, так и прогнозов.

Отметим лишь два принципиальных вопроса, которые он не обсуждает. Можно ли говорить: 1) что в СССР, Венгрии или Югославии была "социалистическая собственность"? (кто был собственником и какие права контроля и принятия решений он имел?); 2) об итоге самоуправления вообще или все же это возможный итог именно югославской системы самоуправления с ее специфическими политическими и экономическими условиями. По первому вопросу наша точка зрения состоит в том, что в СССР, как и в этих двух странах, "общество" являлось собственником лишь теоретически (государство, бюрократия правили от его имени или от имени трудящихся). В югославском случае еще более очевидно, что общество (все и никто) должно было быть собственником предприятий. Тогда возникает вопрос о том, какими реальными возможностями контроля (в макро- и микроэкономическом плане) обладали социальные субъекты: отдельные лица, коллективы, республики. И тут немедленно встает и следующий — об институтах власти и механизмах регулирования. При отсутствии подлинной демократии нет доказательств того, что общественный контроль невозможен

или что он неизбежно неэффективен. Можно лишь сказать, что существующие системы (политическая власть партии и государства) оказались неэффективными. И нет оснований характеризовать их как "социалистические" (ведь нигде не было "свободной ассоциации производителей"). Отсюда можно сделать вывод о необходимости радикального изменения системы. Однако вопрос об общественном контроле за государственной собственностью остается открытым. Формы экономической демократии, которые были бы совместимы с требованием такого контроля, а также управления собственностью, осуществления прав контроля и принятия решений все еще — предмет дискуссий и экспериментальных проверок.

По второму пункту наш ответ, очевидно, будет аналогичным ответу на первый: югославское самоуправление является вариантом реформы системы политической власти (единственной партии), правящей во имя социализма, которая, однако, никогда не была подлинно демократической. Поэтому методологически наш подход представляет собой анализ именно югославского самоуправления в историческом плане.

Остается выяснить, прав ли автор [1], когда говорит, что вывод о неэффективности самоуправления был сделан рядом ученых несколько десятилетий тому назад.

Каковы "теоретические" доказательства провала самоуправления? Не отвергая теоретических моделей, на которые ссылается П. Авен, отмечу следующие моменты: "фирма в Илирии" Б. Уорда [2] представляет собой воплощение "неоклассической" модели, которая приписывает вымышленной фирме, функционирующей на началах самоуправления, "целевую функцию". Последняя же не соответствует поведению реальных фирм подобного рода, но облегчает формализацию проблемы. Модель построена так, что исключает любые другие условия функционирования, кроме рыночной конкуренции, и не рассматривает возможность того, что специфические мотивы (солидарность, преобразование природы труда и трудовых отношений и т.д.) могут быть источником эффективности. Узость предположений и статический характер модели не допускают вообще перестройки сконструированной системы самоуправляющихся фирм на основе договорных отношений, конкретного анализа региональных и отраслевых вариантов развития, выходящих за рамки монетарного и микроэкономического анализов. Сами варианты поведения определяются только рынком. Это заранее отмечает все гипотезы об эффективной роли коммунальных и территориальных институтов, связанных с предприятиями, функционирующими в условиях самоуправления. Однако такие преобразования могли бы обеспечить демократические решения гораздо более широкого диапазона, чем это необходимо отдельным предприятиям, сводящим воедино множество критериев (окружающая среда, связи с потребителями, интересы региона и т.д.). Именно в этом и состоит один из важнейших факторов эффективности самоуправления в сфере производства благ и услуг.

Короче, эта первая модель доказывает лишь то, что с ее помощью хотят доказать: выводы уже заложены в математически сформулированных гипотезах, в конечном счете весьма грубых. Другие теоретические модели, разработанные на основе существенно отличных гипотез [3], приводят к противоположным заключениям: автор [3] "доказывает" более высокую эффективность самоуправляющейся фирмы по сравнению с теми, которые основаны на любых других формах собственности (при выполнении ряда социально-экономических условий, которых в Югославии нет).

Гипотезы, использованные во втором подходе, также выглядят спорными. Однако подчеркнем, что и здесь анализ альтернативных вариантов самоуправления далеко не исчерпан, как и анализ альтернативных вариантов экономического регулирования (включающий не только рынки и деньги, но и различные институты и социальные отношения, поскольку это регулирование является результатом синтеза всех этих элементов).

Можно считать, что трудящиеся, работающие в условиях самоуправления, скорее всего не принимают "правил" (увольнения, доходы) либерального рынка (в этом мы согласны с П. Авеном). Однако, что из этого следует? Какова цель: рынок или ответственность за человека?

П. Авен, подразумевая модель либерального рынка единственно эффективной, полагает, что ради его введения следует любой ценой избежать рабочего самоуправления. Быть может, он прав, если считать, что труд является попросту "фактором производства", как и машина. Но это не так.

РЫНОК ДЛЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ?

Рынок возник как противовес административному плану, как условие самоуправления. В действительности, рыночная реформа в Югославии была начата во имя самоуправления (по крайней мере, так было заявлено в 1965 г.). С этой точки зрения югославский опыт представляется весьма ценным (венгерская реформа 1960-х годов не предусматривала развития рабочего самоуправления и ориентировалась на единоначалие директоров предприятий). Основная идея, выдержанная, скорее, в прудонистском, нежели в марксистском духе, заключалась в том, что управление должно было быть почти в буквальном смысле "децентрализованным", т.е. свобода выбора освобождала предприятия от плана (который до того времени оставался в компетенции государства — за пределами сферы самоуправления). Политический произвол подвергался критике. Однако это делалось для того, чтобы обосновать необходимость децентрализованной банковской системы (призванной воплощать "чистую экономику", так как управление ее деятельностью подчинено требованию рентабельности) для совершения операций по вкладам и кредитам. Идея самоуправления увязывалась с автономией и самофинансированием.

Конечно, и в Югославии, и в Польше при "Солидарности" отдельные, достаточно влиятельные политические течения, стали понимать самоуправление не как "локальное" (и в этом случае соединенное горизонтальными связями с конкурентным рынком) явление. Будучи далекими от того, чтобы полагаться исключительно на обезличенные рыночные отношения, они считали целесообразным развивать вертикальную координацию отраслей и территориальные связи между потребителями и производителями на разных уровнях, акцентируя внимание на солидарности в мнениях заинтересованных лиц в сочетании с демократизацией политической системы и процессов планирования.

Однако мысль о том, что рынок должен быть регулятором самоуправления, стала преобладающей у экономистов и была принята югославскими властями в качестве основополагающей при подготовке реформы 1965 г. Ее поддерживали все, кто полагал, что рынок является наилучшим и даже единственным средством борьбы с бюрократизмом. Расширение сферы действия рыночного механизма (ликвидация централизованных фондов для инвестиций и безвозмездного изъятия излишков, сокращение дотаций и либерализация цен, преобразование банковской системы и придание ей рыночного динамизма) сопровождалось политической либерализацией и расширением прав администрации в рамках системы самоуправления (право найма и увольнения в отношении любой категории работников, включая руководящий состав, право распоряжения по своему усмотрению все возрастающей долей излишков, затрагивающее различные формы предприятия).

Однако этому процессу не хватало двух основных элементов: рынка труда и рынка капиталов, а также и частной собственности на средства производства. Право увольнения работников было жестко оговорено условием их предварительной переквалификации. В то же время негативное отношение к так называемым "нетрудовым" доходам явилось одной из причин отказа от создания подлинного рынка капиталов. Короче говоря, проект рыночного социализма базировался на гипотезе возможности функционирования рынка, но в рамках непременно "социалистических" отношений собственности.

ПОЧЕМУ РЕФОРМА ОСТАНОВИЛАСЬ?

Отказ от продолжения реформы в 1971 г. не был неожиданностью. Ее сворачивание — следствие реакции режима Тито на рост социальной напряженности и обострение международных отношений, проявившихся сразу же после реформы, несмотря на определенные успехи в экономическом и политическом планах.

Между 1968 и 1971 г. в Югославии возникли конфликты, которые условно можно подразделить на ряд типов.

Прежде всего следует отметить рост забастовочного движения. Забастовки были реакцией на углубление неравенства в оплате труда при равных его затратах. Они также символизировали напряженность в отношениях "по вертикали" между властью групп технократов на предприятиях и банков (стремившихся освободиться от контроля "снизу") и членами самоуправляющихся коллективов. Забастовки достигли очень больших масштабов. С этого времени правительство фактически смирилось с забастовками и стало их рассматривать как результат несостоятельности системы самоуправления. Речь, несомненно, шла не только о выражении рабочими своего недовольства условиями труда, но и действиями администрации, уклонявшейся от контроля как со стороны центра, так и со стороны трудящихся. Конечно, рынок смягчал остроту конфликтов и делал систему более терпимой по сравнению с той, какая была в соседних странах. (В Польше, например, повышение цен было проведено по решению "сверху", и даже самый мелкий экономический вопрос перерастал в политический и способствовал росту антиправительственных настроений).

Одновременно с забастовками возникла оппозиция "левой" интеллигенции. В июне 1968 г. и югославские студенты объявили о существовании "красной буржуазии" и потребовали введения самоуправления "снизу доверху". Они также выступили против привилегий, приватизации экономики, безработицы и углубления имущественного неравенства, вызванного реформой.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ 1971 г.

Надо признать, что Тито стремился расстроить все эти движения, поскольку их представители, каждый на свой манер, критиковали политический монополизм. Вот почему имели место и репрессии, и признание "верхами" основных требований "низов" (несмотря на их противоречивость) для того, чтобы попытаться погасить конфликты.

Поворот 1971 г. был вначале отмечен репрессиями, а также "маленькой" культурной революцией. Обратившись к народу непосредственно, минуя партийные инстанции, Тито провозгласил кампанию чистки, направленную против либеральных хорватских руководителей (потом это же было сделано и в отношении Сербии), а также против коррупции и миллионеров. Подавив "левых" марксистов, он позаимствовал часть их программы (введение планирования в сочетании с самоуправлением), выхолостив ее демократическую сущность. Несмотря на то что марксизм в Югославии сохранял свою популярность, в 1970-е годы началось углубление идеологического кризиса. Речь уже шла о введении цензуры с тем, чтобы в бюрократическом духе укрепить "руководящую роль партии" и повести борьбу со всевозможными "уклонами" (среди которых выделялись "коминтерновский", "националистический" и "левацкий"). Эта попытка прибрать власть к рукам сопровождалась также усилением представительства армии в государственном аппарате.

В социально-экономическом плане был проведен ряд реформ. Они обеспечили политической власти опору на рабочее самоуправление в борьбе с технократией банков и крупных предприятий. Имелось в виду осуществить разукрупнение больших предприятий и создать "базовые организации ассоциированного труда" (БОАТ), т.е. мелкие производственные единицы, распоряжающиеся своими доходами, по размерам равные мастерской, цеху, которые, как считалось, дадут более широкие возможности рабочему контролю и подчинят банковскую систему предприятиям. Это, с одной стороны, означало приостановку распространения рыночных отношений, однако и не было возвратом к прежней иерархической системе планирования: подчеркивался разрыв со сталинизмом и намерение развивать самоуправление. Однако отход от сталинизма был неполным: осталась однопартийная система — экономические реформы предполагалось осуществить без демократии.

После провала попытки ввести "социалистический рынок" провозгласили "планирование в сочетании с самоуправлением" на основе договоров. Решения об их заклю-

чении должны были принимать БОАТ, а на уровне Федерации — республики и провинции. Огромное значение имела сама идея о том, что для плана будет гораздо больше возможностей, если он станет результатом добровольного соглашения. Однако эта идея не оправдалась, поскольку совершенно не было ни политических, ни социально-экономических механизмов ее реализации. План, сшитый "слабыми нитками", на поверку оборачивался совокупностью разрозненных квазирынков. Отсутствие демократии, подавление всевозможных уклонов имело самые негативные последствия. Стимулирование осталось денежным, а беспорядочное расширение связей с мировым рынком (без учета кризиса) привело к увеличению внешнего долга.

Рыночные отношения (без всякого риска) проникли во все поры общества, разрушив его целостность и не создав ему никаких возможностей для эффективной согласованной работы.

Расширение прав республик и провинций (в особенности в управлении внешней торговлей и распоряжении валютной выручкой) привело к конфедеративному типу государства с предоставлением республикам права вето при принятии решений по вопросам, напрямую затрагивающим их интересы, и с расширением автономии провинций Воеводина и Косово в Сербии.

В целом новая система расширила права рабочих, а также малых народностей, но не создала каких-либо политических и экономических механизмов, которые способствовали бы укреплению взаимного доверия и принятию согласованных решений.

Администрация Тито рассчитывала обуздать центробежные тенденции путем укрепления централизованной однопартийной политической системы. Однако и сама партия все больше и больше приобретала черты конфедеративности, а, кроме того, в ней широко распространились карьеризм и коррупция. В таких условиях каждый был склонен защищать прежде всего свои сиюминутные интересы. Системы "регионального феодализма", местнические извращения самоуправления, когда "хорошие" цеха не объединялись с "плохими", наглядно свидетельствовали о нерациональности управления, о наличии несбалансированности и неоправданных издержках. Свое разрушительное влияние оказывал и весьма значительный размер внешней задолженности.

РЫНОК ПРОТИВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Размер внешнего долга, достигший в 1970-е годы 20 млрд. долл., явился результатом беспорядочных займов и экономического роста, не совпадавшего по фазе с циклическим развитием мирового хозяйства. Стратегические решения, принятые в начале 1960-х годов и основанные на мировых ценах того времени, обернулись значительным нефтяным долгом.

В этот момент, после большого количества провалов, в критической ситуации, под давлением иностранных кредиторов была предложена новая рыночная реформа, зазвучавшая как лейтмотив с 1980 г. Конституция Тито — Карделя (а их самих уже не было в живых) оказалась под перекрестным огнем критики. Обнаружилось, что, расширив права предприятий (в части самоуправления), республик и провинций, она привела к раздроблению югославского рынка на региональные с различными внешнеторговыми балансами, системами цен и налогов при отсутствии каких-либо критериев или единых механизмов их формирования, слабо развитостью обмена, малым объемом совместных инвестиций и т.д. Но ведь рынок не означает уменьшения роли государства. Он лишь подразумевает новое разделение труда между ним и частными предпринимателями. Сегодня рабочее самоуправление деформируется под воздействием инфляции и безработицы. Эти два недуга показывают, что управление доходами и занятостью на микроуровне не является эффективным. Но вместо того, чтобы изменить правила и механизмы управления общественной собственностью, в Югославии, как в Польше и Венгрии, ставится под сомнение вообще эффективность самой системы самоуправления. Однако есть одна общая проблема: сторонники рыночного автоматизма все более и более открыто заявляют, что "невидимая рука" А. Смита может подталкивать к снижению издержек и инвестированию капитала в рентабельные секторы лишь в том слу-

чае, если предприятия обладают правом на увольнение работников: имеется опасность их банкротства, т.е. существуют рынки труда и капиталов. Вот почему "двигаться дальше", по их мнению, означает ликвидацию прав рабочего самоуправления и переход к капитализму. При этом сторонники "социалистического рынка" обычно легко переходят от мысли, что рабочее самоуправление может существовать лишь в условиях рынка, к тому, что при таком самоуправлении рынок невозможен. И "обнаруживается", что частный владелец, который по своему усмотрению распоряжается трудом и капиталом в интересах получения максимальной прибыли, наделен куда большей, по сравнению с работником, способностью принимать рациональные решения, адекватные рынку. Идея, что существуют лишь один-единственный "экономический закон" и одна универсальная экономическая рациональность, создаваемые рынком (при условии его безраздельного господства), ведет к "капиталистической утопии", особенно учитывая, что ни в стране, ни за рубежом нет наличного капитала, чтобы приватизировать все предприятия, нерентабельные в условиях конкуренции на мировом рынке, так как частные инвесторы склонны вкладывать свои деньги в "спокойных" странах. А в Югославии, как и в СССР, возрастает социальная напряженность и обостряются межнациональные отношения. Поэтому следует искать другие решения.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Теоретики либерального толка, конечно, правы, когда говорят, что все дело — в контроле. Однако, принимая во внимание гигантские масштабы неравновесия в мире, можно усомниться в том, что частный контроль за частной собственностью действительно обеспечивает всеобщее благосостояние. Правильность другой возможной точки зрения до сегодняшнего дня остается не доказанной, однако вытекает ли отсюда ее утопичность? Эффективен ли плюрастический общественный контроль над общественной собственностью (по-прежнему общественной, а не государственной!)?

Можно ли измерять "производительность" (потребности, расточительство, издержки) одним и тем же способом, когда человек рассматривается как вещь, "фактор, заменяющий машины" (соответственно имеющий производительность, которая растет с увеличением безработицы) или когда он находится в центре системы принятия решений? Забастовки рабочих в Югославии выразили массовое неприятие несправедливых и неэффективных жестких мер — экономических и социальных. Напряженность труда (и его оплата) не может измеряться в оценках определенной социальной системы. Закрывшие и реконверсия предприятий как в СССР, так и в Югославии могут восприниматься как социально справедливая акция только при наличии явно формулирующих критериев и при солидарном отношении к этим мерам.

Можно быть уверенным, что "социалистический" контроль требует системы институтов и форм управления. Но если хотят добиться согласования индивидуальных и общих интересов, то нужно сознательно сглаживать конфликты, порождаемые неравенством (идя наперекор "рыночному автоматизму") и расширить горизонт для тех, кто принимает решения, путем открытого согласования различных интересов.

Иначе говоря, самоуправлению нужна радикальная демократия. При этом следует подчеркнуть, что эффективность самоуправления обуславливается его способностью решать проблемы контроля за инфляцией и перестройками в структуре занятости. Для этого необходимо, чтобы право собственности на средства производства было не только правом управления предприятием, предоставленным его работникам. Образование доходов и вопросы занятости не контролируются достаточно эффективно и справедливо разрозненными руководителями предприятий. Самоуправление должно подкрепляться институтом социальных служб и контроля в территориальном плане. Сами работники попадутся в ловушку, если будут защищать любой ценой свои рабочие места, не имея выбора. С позиций системы в целом здравый экономический смысл подсказывает, что они могут не бояться ни перестроек в структуре занятости, ни внедрения новых технологий: нужно различать право на труд и мобильность работников. И надо, чтобы возможные перемещения рассматривались с двух точек зрения: работ-

ников как наемных и как распорядителей прибыли государственных предприятий (и вовсе не только своих собственных). Ибо при распоряжении совокупной прибылью можно преодолеть конфликт между правом на труд и необходимостью обеспечения соответствия инвестиций потребностям и техническому прогрессу. Кроме того, именно при этих условиях можно избежать действия инфляционных механизмов повышения доходов независимо от производительности, постоянно обеспечивая их распределение, зависящее от общепринятых критериев. Управление шахтами в первую очередь должно соответствовать позиции шахтеров, их предложениям, ответственности. Однако оно не может быть эффективным и справедливым для самих шахтеров, если на их доходы оказывают влияние неравные условия добычи угля и его продажи, и их право на труд подразумевает сохранение любой ценой шахт такими, какие они есть (даже если их оборудование загрязняет окружающую среду или затраты на добычу слишком велики). Впрочем, вопрос о том, являются ли затраты на добычу чересчур высокими, нельзя решить эффективно и справедливо с помощью простых критериев, исходя из цен мирового рынка. Во-первых, эти цены колеблются; во-вторых, экономический анализ должен охватывать все альтернативные варианты выбора с оценкой затрат и результатов по каждому из них: объемов производственных инвестиций, изменений, касающихся занятости в регионе, проблем жилья для семей, создания необходимой инфраструктуры, экологических последствий. Все оценки "затрат" (в наиболее широком смысле), связанных с сохранением шахты или, напротив, с ее закрытием и реконверсией, должны производиться "обществом" с точки зрения этого общества (как содружества трудящихся, граждан и производителей), управляющего средствами производства в целом на данной территории. Могут ли шахтеры решить все вопросы в одиночку? И только ли приходится выбирать между частными владельцами (или группами на уровне шахт) и риском потерять работу или бюрократическим управлением из одного центра, которое, хотя и неэффективно, но обеспечивает социальную защиту? На наш взгляд, общественная собственность может быть признана законом и утратить свой государственный характер при наличии реального общественного контроля. Последний должен позволить каждому индивидууму отстаивать свои интересы (как рабочего завода, и как гражданина — жить, не страдая от инфляции, безработицы и экологических бедствий; как отца или матери — заботиться о будущем своих детей и социальном обслуживании; как потребителя — о качестве и количестве предоставляемых благ). Ни акции, ни право собственности на мастерскую или на завод не дают власти в этом плане. Общественная собственность должна быть неотъемлемо связана с правом создавать всевозможные институты и объединения, позволяющие контролировать удовлетворение этих многообразных потребностей.

Особенно надо поощрять развитие эффективных форм солидарности граждан. Бюрократические формы социальной защиты обеспечивают сохранение всех привилегий и расточительное хозяйствование. Но отсюда не следует, что нужно заставлять хорошо работать лишь под угрозой увольнения (или предполагать, что лишь при такой угрозе люди будут работать хорошо). Необходимы и формы принуждения, и санкции за плохую работу. Однако доверие к системе, которая гарантирует неуклонное повышение уровня жизни (при условии эффективной совместной работы) может явиться источником творческого вдохновения и привести к уменьшению бесхозяйственности. Нужно также реорганизовать производство и распределение (а не ставить препоны каждому предприятию и коллективу). Можно поручиться, что без какой бы то ни было реформы цен проведение такой реорганизации заинтересованными лицами (потребителями, производителями) вызовет к жизни множество инициатив. Никто не может, да и не должен в один момент решать все за всех. Сближение позиций всех наиболее заинтересованных лиц поможет сформировать необходимые институты.

Утверждение о том, что важнейшие экономические решения — прерогатива одной партии (или пусть даже нескольких партий), мистификация в такой же мере, как и то, что подобные вопросы передаются на усмотрение одних лишь "экспертов". Но столь же невероятным было бы противопоставлять этим двум утверждениям наивный взгляд, что полный демократизм принесет лучшие плоды, нежели дебаты политиков или за-

ключение экспертов. Недоверие, и при этом обоснованное, к экономистам, которые возводят некоторые частные теории или методы в ранг универсально-рационалистических, идет рука об руку с недоверием к политике, когда последняя служит манипуляцией или является монополией власти.

Плюрализм экспертов, когда каждый демократический институт может провести "контрэкспертизу", столь же важен, сколь и плюрализм вариантов политического выбора (который должен сопоставляться с мнением экспертов). Однако научные институты, как партия, или как политические группировки (пусть даже они и не создают партий формально), могут занимать позиции, отличные от позиций власти, принимающей решения. Целостное видение проблемы, которое обеспечивают объединения политических группировок, может стимулироваться самодеятельностью. Возможность получить суждение экспертов, в свою очередь, способствует большему доверию. Гарантия того, что власть способна предотвратить злоупотребления своих представителей, также вносит свою лепту в укрепление веры в неизбежность общепринятых правовых норм. Иначе говоря, самоуправление как единая система не может существовать без демократии. Вот почему причиной кризиса югославской системы нельзя считать самоуправление само по себе (или самоуправление, взятое в отрыве от контекста, в котором оно существует, и форм, которые оно приняло).

Возрождение шовинизма и братоубийственных конфликтов является результатом провалов как в экономике, так и в политике. Утрата чувства солидарности сильнее тогда, когда не видны взаимные выгоды от объединения. Прозрачность экономических отношений, контроль за использованием общих ресурсов, короче, экономическая и политическая демократия — вот необходимые условия становления новых форм объединения в Югославии, как и в СССР. Самоуправление на локальном уровне представляет собой форму основы самоопределения, в зависимости от которой можно принимать решения о свободном объединении на данной территории или союзе между несколькими территориальными группировками. Оно имеет демократический потенциал, неизмеримо более высокий по сравнению с любой другой формой управления собственностью. Возможно, именно в нем будущий главный источник экономической эффективности, связанный с истинной целью развития человечества.

Пер. с франц. Н.В. Павлова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авен П.* Экономическая реформа: основные модели и последовательность осуществления // Экономика и мат. методы. 1991. Т. 27. Вып. 3.
2. *Ward B.* The Firm in Illyria: Market Syndicalism // American Econ. Rev. 1958. V. 48. № 3.
3. *Vanec J.* The Labor Managed Economy. Essays. Ithaca, N.Y., 1977.

Поступила в редакцию
19.V 1991